

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 93/94

*Палабугин В.К.*¹

НЕКОТОРЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ЕГПИ 1960-1970-Х ГОДОВ

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Palabugin V. K.

**SOME PAGES OF THE HISTORY
OF THE YELETS PEDAGOGICAL INSTITUTE IN 1960-1970**

Bunin Yelets state University

Реферат: Мы завершаем публикацию мемуаров Палабугина Виталия Константиновича (1940-2016), проработавшего в 1967-2012 гг. в Елецком пединституте (университете) и написавших их в 2008 г. В завершающей части мемуаров освещается период 1970-первая половина 1980 –х гг. Воспоминания представляют собой повествование о взаимоотношениях тогда еще не в многочисленном преподавательском коллективе Елецкого государственного педагогического института, а также о сложной обстановке, в которой решалась судьба перспективы вуза. Внимание уделяется роли ректоров и партийных работников в развитие вуза, а также личному вовлечению автора мемуаров в изучение истории Ельца. Автор благожелательно воспринимает окружающую обстановку и с определенной долей иронии воспринимает происходящее.

Ключевые слова: Елецкий государственный педагогический институт, кафедра марксизма-ленинизма, история КПСС, М.Ф. Силаев, А.И. Святкин, С.П. Ершов, С.В. Краснова, Г.П. Климова, С.А. Сионова.

Abstract: The author of the memoirs – Palabugin Vitaly Konstantinovich (1940-2016). He was an associate Professor at the Yelets pedagogical Institute (University) (1967-2012). Memoirs written in 2008. We continue to publish memoirs. The final part of the memoir covers the period 1970-the first half of the 1980s. The memoirs are a narrative about relationships not yet in a large teaching staff. At this time, the prospect of the University was being decided. Attention is paid to the role of rectors and party workers in the development of the University. The author tells about his Hobbies in studying the history of the city of Yelets.

Keywords: Yelets state pedagogical Institute, Department of Marxism-Leninism, M. F. Silaev, A. I. Svyatkin, S. P. Yerшов, S. V. Krasnova, G. P. Klimova, S. A. Sionova.

---

¹ Палабугин Виталий Константинович – кандидат исторических наук, доцент, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина. О нем см.: [1].

Между тем судьба ЕГПИ была под вопросом. Липецкий пединститут всячески интриговал, добиваясь закрытия нашего вуза как конкурента. Министерство уже обсуждало нашу судьбу. ЕГПИ вменяли в недостаток отсутствие современного общежития для студентов, слабость материально-технической базы, отсутствие докторов-профессоров и т.п. В 1970 году липчане забрали себе иняз. Осталось всего два факультета, а это влекло сокращение преподавателей. Министерство распорядилось прекратить прием на заочное отделение. В Москве рассматривали два варианта: превратить ЕГПИ в филиал Липецкого педвуза или перефилировать (даже в педтехникум). Областные власти поддерживали мнение Министерства.

А.И. Святкин и партбюро прилагали отчаянные усилия отстоять старейший в области вуз. Сам Святкин уже пережил такую ситуацию: после войны он работал в Чаплыгинском учительском институте, а в середине 50-х годов его закрыли и Святкина направили работать в ЕГПИ. ЕГПИ поддерживал Елецкий Горком, поскольку городу было престижно иметь вуз. В какой-то мере ЕГПИ спасала интриганская обстановка в самом Липецком институте: его коллектив был расколот на две группировки, боровшиеся друг с другом и

старавшиеся заручиться поддержкой Обкома КПСС. Отсюда частая смена ректоров ЛГПИ. Все это вызвало недовольство в Обкоме.

Разговоры о возможном закрытии будоражили коллектив ЕГПИ. Некоторые дипломированные специалисты уже «наострили лыжи». Уехал в Могилев завкафедрой литературы Б.С. Бесчеревных с женой-филологом. Уехал в Шадринск доцент-литератор И.С. Скворцов, своими диссидентскими репликами доводивший до столбняка горкомовских работников. Причем он уже работал в ЕГПИ, потом «завалили» его на очередном конкурсе за ядовитые выступления. Он уехал, потом вернулся, а теперь уехал окончательно. Скворцов был в предпенсионном возрасте, любил горячительные напитки, так и остался в Шадринске.

В 1970 году по полной программе праздновалось 100-летие В.И. Ленина. Весь год все СМИ были заполнены ленинской тематикой. Обком партии загрузил лекционной пропагандой мою кафедру: выступали с лекциями и докладами в городе, в Елецком, Измалковском, Долгоруковском и Становлянском районах. В Липецке прошла преподавательская конференция, аналогичная конференция прошла в Воронежском университете. Тезисы докладов были отпечатаны в сборниках. Кроме

того я опубликовал статью в журнал Обкома КПСС «Политическая информация». Все эти публикации имели статус научных. И теперь я уже набрал нужный печатный листаж для выхода на защиту. 10 материалов я пропечатал в городской и районной газетах. Так что можно было уверенно смотреть вперед.

Но тревожило меня будущее ЕГПИ, да и на кафедре было неспокойно. Весной 1970 года наступил очередной срок переизбрания Логачева по конкурсу. На заседании кафедры все прошло гладко. И Силаев, и Логачев вели себя корректно. Логачев представил докторскую диссертацию. Так что кафедра рекомендовала его к переизбранию. На Совете института особых претензий не прозвучало, но члены Совета проголосовали против. Логачев ожидал такого результата и заранее вел переговоры с некоторыми вузами. Он решил уехать в Запорожье: его и его жену – Нину Андреевну Леонову, доцента русского языка – пригласил тамошний пединститут. И уже в первых числах апреля отправил в Запорожье все свое имущество, большую его часть составляла объемистая библиотека. А затем и сам уехал.

Его двухкомнатную квартиру в 5-этажном доме на площади Победы передали мне. Для меня и моей се-

мьи (т.е. моей жены Бэлы и 5-летней дочери Светы). Это было большим счастьем. Наконец-то мы обосновались в собственном жилье со всеми удобствами и стали немедленно обустроить свою квартиру. В 1976 году мы переехали в трехкомнатную квартиру на улице Коммунаров, где и живем по сие время.

В середине февраля 1971 года я поехал в Москву выяснять перспективы своей защиты. Встретившись с научным руководителем, потолкавшись в отделе аспирантуры, в отделе истории советского крестьянства, я выяснил, что мне надо представить на защиту: саму диссертацию, автореферат для рассылки (экземпляров 200), тексты публикаций. И все это в начале 1972 года, тогда я успею в очередь защиты на весну. Двух оппонентов мне предоставит Отдел советского крестьянства.

В 1971 году Елец отмечал свое 825-летие, а также 30-летие Елецкой операции и освобождения от немцев. В городской газете сотрудниками краеведческого музея А.П. Небуко – его директор и М.А. Зыков – научный сотрудник, бывший летчик-истребитель, воевавший в 1950-1952 годы в Корее – начали печатать серию статей по истории Ельца. Но они не успевали дать статьи по всей истории города. И редакция «Красного знамени» попросила меня под-

готовить статьи по истории Ельца в советское время и, особенно в годы Великой Отечественной войны. В.А. Акуленко посодействовал, чтобы Небуко и Зыков разрешили мне пользоваться материалами музея. Так установились мои контакты с музеем и добрые отношения с Небуко и Зыковым.

Я внимательно ознакомился со всей музейной экспозицией, просмотрел имевшиеся экземпляры газеты «Красное знамя» за 20-е – 30-е годы. Их было, правда, немного. Но особую пользу принесло мне знакомство с рукописью старейшего работника Елецкого кожевенного завода И.Н. Захарова, в которой излагалась история этого предприятия и рукописью А.Л. Ямпольского «Елец в годы Великой Отечественной войны». Ямпольский был фронтовиком, демобилизовался в звании майора, в Ельце работал преподавателем истфака, в 40-е годы собрал материал по военной истории Ельца, благо были в полном здравии участники тех событий. Ямпольский смог также использовать доступные архивные и газетные материалы. Одним словом, создал объемистый труд, на его основе защитил кандидатскую диссертацию, стал заведующим кафедрой истории. Рукопись своего труда продал музею. А когда истфак перевели в Липецк, то и Ям-

польский с большой частью преподавателей истфака туда переехал. Я его несколько раз встречал на семинарах, которые проводил Обком партии.

Пользуясь этими источниками, я подготовил 4 статьи. По результатам знакомства с музеем я сделал две небольшие статьи и в очередной приезд в Москву пристроил одну в журнал «История СССР», а другую – в «Военно-исторический журнал».

Приходилось еще заниматься активной лекторской работой. Кроме того я уже с осени 1968 года был привлечен к преподавательской деятельности в вечернем университете марксизма-ленинизма при ГК КПСС. Два-три раза в неделю надо было проводить занятия по истории КПСС. Они проводились в здании кабинета политпросвещения ГК КПСС, там же была библиотека ГК КПСС с богатым для провинции набором общественно - политической, исторической и художественной литературы. Заведовала библиотекой Берта Ефремовна Рожкова, вдова комиссара эсминца «Гремячий», входившего в годы войны в состав Северного флота. Рожкова была опытным, знающим библиотекарем, всегда советовала преподавателям и слушателям какую литературу, особенно новую, использовать. Она также собирала газетные мате-

риалы по истории, культуре, экономике Ельца. В этом партзаведении работали все преподаватели нашей кафедры, ректор А.И. Святкин, а также приглашались проводить некоторые занятия преподаватели литературы.

А будущее ЕГПИ все еще оставалось неопределенным. И на моей кафедре ситуация была беспокойной. После Логачева у Силаева остался еще один враг – Ершов. Но тот вроде бы пользовался поддержкой Горкома. А посему не обращал внимания на придирки и требования Силаева. И в конце мая 1971 года разразился откровенный конфликт между Силаевым и Ершовым. На очередном заседании кафедры, где обсуждались итоги работы за учебный год, Силаев обрушился на Ершова с резкими нападками: поставил ему на вид систематическое невыполнение плана научной работы, грубое нарушение учебной дисциплины. Оказывается, Ершов как-то договорился с деканом литфака Приворотским, что в первом семестре (в октябре-ноябре) он вычитает весь курс истории КПСС, а второй семестр занятий проводить не будет, чтобы съездить в Москву (или еще куда-нибудь – например, в Донецк, к своей дочери Ольге) якобы для сбора материала для диссертации. И еще много чего припомнил Силаев

Ершову, вплоть до обвинения в двоеженстве.

В общем, Силаев заявил Ершову, что он не допустит его к очередному конкурсу и лучше тому уйти из ЕГПИ. На заседании присутствовал товарищ Ершова тогдашний зав. Парткабинетом Г. Парахин. Ершов, видимо, надеялся, что Парахин от имени Горкома выступит в его защиту. Но Парахин просидел молча. После этой порки Ершову пришлось немедленно уволиться «по собственному желанию». Но без работы Степан Петрович не остался. Он устроился преподавателем истории в Елецкий техникум железнодорожного транспорта. После выхода на пенсию устроился в Елецкое туристическое агентство – сопровождал туристические группы ельчан в Сочи, Москву и другие города.

В апреле 1972 года, наконец, состоялась защита моей диссертации. Затраты на все это действие получились минимальные: на отпечатывание на машинке «набело» текста диссертации и в типографии Института истории автореферата в количестве 200 экземпляров. Пришлось неделю провести за всеми этими делами. Я подумывал, что надо бы еще банкет организовать в ресторане, но мои коллеги по аспирантуре остановили: поскольку я работать в Москве не собирался, то зря деньги тратить

не нужно... Лучше скромно отметить это событие на квартире у приятелей. Защита моя прошла успешно, но все равно эта процедура заставила меня изрядно поволноваться. Я был в каком-то тумане. После защиты мы собрались на квартире, допоздна отмечали мой успех, вспоминали наше аспирантское время.

В это же время благоприятно решилась судьба ЕГПИ. Обком КПСС решительно поддержал елецкий вуз. Огромную роль в этом сыграла уроженка Ельца А.Г. Ключева. В 1940 году она закончила литфак Елецкого учительского института вместе с Т.Н. Денисовой. В 60-х – 70-х гг. Ключева занимала должность зав. отделом школ и вузов Липецкой области. Она была давним и опытным партийным функционером, долго работала вместе с тогдашним третьим секретарем Обкома А.А. Сталем. И тут она пришла на помощь ЕГПИ. Совместными усилиями удалось убедить Министерство не закрывать наш вуз, а оказать ему помощь.

В 1976 году в ЕГПИ открыли третий факультет – Педагогики и методики начального обучения. Он разместился во втором корпусе, литфак пришлось перевести в первый, где размещался физмат. В апреле 1973 года по инициативе Ключевой на должность проректора по учебной работе к нам перевели из

Липецкого пединститута молодого кандидата исторических наук, доцента А.А. Волкотруба. Министерство выделило деньги на строительство нового, большого – почти на 900 мест общежития. После долгих консультаций с городскими властями решено было строить его напротив первого корпуса. Правда, пришлось изрядно помучиться с расселением жителей одноэтажных домиков, находившихся на выбранной площадке. Они категорически не хотели уходить с родовых мест. Одно время даже намеревались начать стройку на окраине Ельца – там, где теперь стоит заброшенный корпус недостроенной котельной (напротив супермаркета «Линия»).

Город передал ЕГПИ кафе «Ельчик» под студенческую столовую. Это кафе находилось на углу улиц Коммунаров и Ленина. На его месте сейчас воздвигли трехэтажный корпус нового общежития.

По совету Министерства Святкин начал приглашать на временную работу докторов наук, профессоров. В частности стали приезжать к нам на семестровую работу специалисты такого уровня из Воронежского пединститута и Воронежского государственного университета. Последний имел статус ведущего и руководящего вуза Центрального Черноземья. Стали давать ЕГПИ места в целевую

аспирантуру некоторых Московских вузов, чем воспользовались некоторые наши молодые преподаватели. Правда, не все потом возвращались обратно в ЕГПИ, некоторые добивались у Святкина разрешение устраиваться на работу в более престижные вузы, например, Липецкий политехнический институт. К нам на работу приехали квалифицированные филологи-русисты из Самарканда – Виктор Георгиевич Головин, быстро защитивший уже работая в ЕГПИ докторскую диссертацию, и его жена Людмила Ивановна Головина, защитившая кандидатскую.

В декабре 1972 года я получил уведомление из Института истории, что готов мой диплом кандидата наук. О том, что я утвержден Советом института в степени кандидата мне сообщили еще 29 июня. Но с оформлением диплома дело задержалось. Оказывается, в ВАКе был всего лишь один писарь-старичок, который каллиграфическим почерком оформлял все такие дипломы. Поэтому время, когда доходила очередь до очередного документа, было долгое. Мой диплом был оформлен только 13 декабря 1972 года.

Съездив в Москву, я представил свой диплом в отдел кадров института, и мне пообещали сделать перерасчет оклада в соответствии с кандидатским званием, причем с мо-

мента утверждения в этом звании. Так что после Нового года я уже получил зарплату в новом качестве, что было в два раза больше, чем ставка старшего преподавателя. Это позволило нам купить телевизор «Таурас» черно-белый, цветного телевидения еще не было, швейную машинку Подольского завода, стиральную машину Тамбовского завода – примитивного, но надежного устройства.

В ЕГПИ я уже обосновался твердо: 28 июня 1973 года Совет института избрал меня доцентом. Осенью 1973 года по предложению В.В. Никольского меня место него избрали секретарем партбюро. Конечно, охоты быть партийным функционером у меня не было, но я понимал, что такова цена работы на кафедре марксизма-ленинизма. Сам Никольский в момент своего ухода с этого поста устроил скандал в Горкоме, обвинив горком, что тот не ценит низовые партийные кадры, поскольку за все время секретарства Никольскому ни разу не предложили путевку для поездки за границу или хотя бы на курорт. Себя Никольский считал образцовым партийцем. Его любимым хобби являлся разбор персональных дел. От предвкушения удовольствия он иной раз произвольно потирал руки...

В Ельце я увлекся историческим краеведением, начал делать выписки из литературы сведений по Ельцу и округе, стал делать заказы на литературу по Межбиблиотечному абонементу (нечто вроде современного Интернета), в свободное время иногда удавалось поработать в архивах Липецка, Орла, Воронежа.

Осенью 1972 года мы с Ершовым решили сделать книгу по истории Ельца. Ершов делал первую часть – до 1917 года, я – вторую – с 1917-го до современности. Постепенно я понял, что Ершов не то, что не умел, но и не очень понимал как работать с литературой, архивными материалами. В свою часть вставил какие-то сомнительные сведения без всяких ссылок на источники, какие-то общие туманные рассуждения. Видимо, многое повторил из ранее изданной скудной брошюры, одним из авторов которой был. Эта брошюра была издана в 1961 году.

К 1980 году мы подготовили рукопись и отвезли ее на показ в Воронеж, в Центрально-Черноземное издательство. Нам порекомендовали предварительно показать рукопись в Елецкий ГК КПСС. Мы обратились к А.С. Белых, тогдашнему первому секретарю Горкома. Он отнесся к нашей инициативе резко отрицательно. Понятно, что если бы мы пригласили его в соавторы, то он бы

дал нам зеленый свет и помог в напечатании рукописи. Но с другой стороны, получилось бы с фактической стороны весьма слабая книжечка. В общем, дело заглохло.

Но в 1984 году моя кафедра получила из Воронежа на отзыв рукопись Р.Н. Воропаева, по содержанию она совпадала с ершовской частью, но была насыщена фактами и свободна от общих сентенций. Видно было, что автор как следует поработал с литературой. Большая часть приводимых фактов по истории Ельца сопровождалась ссылками на источники. Сам Воропаев по рождению был ельчанином. В тот момент в Ельце был еще жив его брат, который накануне революции 1917 года служил на Балтийском флоте, потом он и автор рукописи участвовали в революционных событиях непосредственно в Ельце, затем долго работали в советских хозяйственных организациях.

Мы на кафедре обсудили рукопись. Я от имени кафедры написал положительный отзыв, но с пожеланием, что надо дать историю Ельца в советское время. В издательстве, очевидно, помнили наши усилия и предложили мне сделать эту часть. И в декабре 1985 года книжка: Р.Н. Воропаев, В.К. Палабугин «Очерки истории Елецкой земли» вышла в свет. Любопытно, что тираж ее был

довольно странно распределен. В самом Ельце она почти не появилась. И многие елецкие краеведы (например, В.П. Горлов), преподаватели института выпрашивали эту книжку у меня, я получил только 10 авторских экземпляров. Зато в районных магазинах она лежала...

А в ЕГПИ проходили серьезные перемены. У Волкотруба как проректора постоянно возникали конфликты с Силаевым. Кончилось тем, что в начале июля 1977 года Волкотруб отстранил Силаева от заведования кафедрами и назначил меня исполнять обязанности по руководству. Официально по конкурсу я прошел на заведование кафедрой 30 декабря 1980 года. А.И. Святкин не стал вмешиваться, поскольку и его положение уже пошатнулось. В сентябре 1977 года Министерство назначило ректором ЕГПИ доцента Елену Федоровну Антонову, до этого работавшую проректором Курганского пединститута.

Антонова вначале энергично взялась за укрепление ЕГПИ. В 1978 году город передал нам двухэтажное здание бывшей СШ № 12, при которой имелся небольшой спортивный зал (до этого занятия по физвоспитанию проводились в большой аудитории на первом этаже учебного корпуса № 1). В 1979 году в этом учебном корпусе № 3 открылся фа-

культет дошкольной педагогики и психологии – первый в стране факультет подготовки воспитателей детских садов с высшим образованием. Работать на этот факультет приехали две выпускницы Ленинградского пединститута: Мусатова Л.Я. и Герасимова Е.Н., в 2013 году сменившая В.П. Кузовлева на посту ректора ЕГУ. В 1979 году было закончено строительство 9-этажного трехкорпусного общежития и осенью началось заселение. В этом же году возобновилась работа заочного отделения.

Антонова стала активно приглашать на работу доцентов и профессоров. Из Казахстана приехал бывший ректор Усть-Каменогорского пединститута Иван Иванович Белогринов, ставший завкафедрой математики. Из Алма-Аты приехал кандидат физико-математических наук Владимир Ефимович Медведев, активно начавший научную работу на кафедре физики и уже в 90-е годы защитивший докторскую диссертацию. Приехали доценты из Орла, из Латвии. На «временные хлеба» приехали и три года отработали на моей кафедре два профессора пенсионного возраста. Это историк Борис Григорьевич Михайлов, еще в послевоенные годы работавший в Елецком учительском институте, а теперь обитавший в Вологде. Его хорошо

помнил С.П. Ершов. И приехал политэконом с Украины Чечель. До пенсии он много лет, как он любил похвастать, работал министром финансов в Якутии. И видимо в Якутии он так уработался, что иной раз на заседании кафедры вдруг начинал сочно храпеть.

Антонова, к сожалению, быстро испортила отношения с коренными елецкими кадрами – была зачастую излишне груба и самонадеянна, предъявляла требования, не соответствующие реальной обстановке. Например, стала требовать, чтобы преподаватели не зависимо от расписания занятий проводили в учебных корпусах ежедневно не менее 6 часов. Но для такой отсидки не было свободных аудиторий, а в преподавательских был тесно и неудобно болтаться столько времени. Ее попытки усилить контроль за учебной работой отдельных преподавателей часто доходили до скандала, вызывали жалобы в Горком и Обком КПСС. Так получилось с А.И. Святкиным, когда Антонова взялась учить его «современным» методам учебной работы. Алексей Иванович молча проглотил такие оскорбления, а жена не выдержала и пожаловалась в Горком. Т.Н. Денисова вынуждена была поговорить с Антоновой наедине. Одним словом, в ЕГПИ при Антоновой начала складываться об-

становка, наблюдавшаяся ранее в Липецком пединституте. В отместку Антонова начала поднимать вопрос о ненужности нашего пединститута в такой маленькой области как Липецкая. Я стремился по мере сил тушить разгоравшиеся страсти, не всегда впрочем, умело.

Единственной твердой опорой Антоновой был проректор Волкотруб. Но он тоже изрядно подпортил отношения со многими преподавателями. Не вызывала уважения история его появления в ЛГПИ. Выяснилось, что он учился в очной аспирантуре Московского пединститута им. Ленина вместе с В.И. Апатовым, сыном доцента Теряевой из Липецкого пединститута. Апатов должен был возвратиться обратно в Липецк, Волкотруб был из пединститута Комсомольска-на-Амуре. Волкотрубу не хотелось ехать обратно на Восток. И он уговорил Апатова поменяться местами. Тот согласился – у него как раз возникли острее проблемы в семейной жизни – вплоть до развода с женой, и он был рад уехать от нее подальше. Комсомольский пединститут Апатову не понравился, с большим трудом ему удалось вернуться в Липецк. Вся эта афера Волкотруба вскрылась, и его «сплавили» к нам.

В 1980 году Министерство откликнулось на жалобы Антоновой,

отправили ее работать в Вологодский пединститут, а новым ректором прислали Павла Ильича Карташова. После ухода Антоновой Волкотруб тоже постарался побыстрее уехать. Перебрался в Москву, со скандалом развелся с женой. Она вернулась в Липецк и уже в 90-е годы защитила в нашем Совете кандидатскую диссертацию по филологии. А Волкотруб как-то в Москве исчез. Проректором по учебной работе была назначена доцент Наталья Валерьевна Борисова.

П.И. Карташов был донской казак, правда уже постаревший, с животом арбузной комплекции, но еще очень энергичный и «себе на уме». До нового назначения он руководил в Ростове-на-Дону Институтом усовершенствования учителей. Мечтой Карташова было перебраться в Москву. Там, в Академии педагогических наук работал его друг Ю. Бабанский, разработавший концепцию оптимизации обучения школьников. Он обещал Карташову помочь, но сначала тот должен был поработать ректором педвуза. И ЕГПИ должен был стать желанной ступенькой. Карташов проработал у нас три года. Он не столько занимался делами института, хотя старался жить с коллективом в мире и дружбе, сколько развивал полезные для себя связи в Министерстве: организовывал по-

дарки (книгами или еще какими-нибудь полезными вещами), принимал на работу отпрысков влиятельных людей, хлебосольно принимал всякие комиссии (сам он уже не употреблял горячительных напитков – как он любил повторять: «Я свою норму уже выпил», но всегда запас таких напитков у него был). Он организовал некоторых наших преподавателей выступить со статьями в «Учительской газете» (Краснова Софья Васильевна и я), рассказывавших о традициях и успехах нашего учебного заведения. В общем, коллективу ЕГПИ Карташов импонировал и Горком ему приятельствовал.

К великой печали Карташова его покровитель вдруг скончался и мечты о Москве испарились. Теперь Карташов приземлил свои намерения. Отчаянными усилиями он добился в Обкоме КПСС, чтобы его сделали ректором Липецкого пединститута – все-таки областной вуз. Как раз в это время скончался Бабин, переведенный ректором ЛГПИ с Дальнего Востока и десять лет успешно руководивший институтом. Ельчане не советовали Карташову перебираться в Липецк, но он пренебрег предупреждениями. И первое время прямо раздувался от гордости, что стал ректором областного вуза. Как-то я приехал в ЛГПИ по делам.

Карташов тут же провел меня в ректорский кабинет и стал рассказывать как у него здесь все классно. Но радость его была недолгой. Скоро мы узнали, что многие преподаватели ЛГПИ, особенно из бывших партийных функционеров, начали непримиримую борьбу против донского

казака. Через два года от всех этих переживаний скончалась его жена, а потом и он сам...

После Карташова ректором ЕГПИ была назначена Наталья Валерьевна Борисова, а проректором доцент В.П. Кузовлев.

Список литературы:

1. Палабугин Виталий Константинович: библиографический указатель /сост. В.И. Ряполова, авт. вступ. ст. Д.А. Ляпин. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2013. 32 с.

References :

1. Palabugin Vitalij Konstantinovich: bibliograficheskij ukazatel' /sost. V.I. Ryapolova, avt. vstup. st. D.A. Lyapin. Elec: EGU im. I.A. Bunina, 2013. 32 s.